

Нестерова Анна Семеновна

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКЕ РЫБОЛОВСТВА ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Данная статья является продолжением ранее начатых исследований по теме "Рыболовная лексика в якутском языке". В ней рассматриваются монгольские заимствования в лексике по рыболовству. Основными источниками выявления заимствований явились "Словарь якутского языка" Э. К. Пекарского и работа С. Калужинского "Iakutica". На основе проведенного исследования автором обнаружены заимствованные слова, среди которых названия рыб, средств ловли, морских животных, рыбной пищи, средств передвижения по воде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 152-155. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Fdl: Die Maschine ist hin? (Машина на месте?).

В данных диалогах не соблюдена формальность посредством вкрапления просторечных форм, а также жаргонизмов (*Maestro* [диспетчер], *Maschine* [локомотив], *gefährdete Rotte* [путейцы]), нечеткой речи (*Min Fahnl aufe, owe = Mit der Fahne rauf und runter*, места с пометой «неразборчиво»), диалектизм (австр. *wacheln* – сигнализировать, махать).

Подведем итог. Типология ЖДД осуществляется одновременно по признаку субъекта и регламента. При анализе субъекта можно выделить агенто-ориентированный и клиенто-ориентированный типы ЖДД. Первый предполагает общение только между агентами (специалистами), а второй – участие в коммуникативном акте хотя бы одного клиента (неспециалиста). Признак регламента обуславливает выделение статусно-ориентированного и личностно-ориентированного типов ЖДД. При первом субъекты обладают специальными статусами в рамках железнодорожной отрасли и обязаны соблюдать установленный в ней языковой и неязыковой регламент. Второй предполагает личностное общение между субъектами в рамках ЖДД, где регламент отсутствует. Статусно-ориентированный тип ЖДД, однако, допускает нарушения предписанного языкового регламента при устном общении, что выражается несоблюдением официально-делового функционального стиля и использованием разговорного, экспрессивной интонацией, профессиональными жаргонизмами, просторечиями, диалектизмами и нечеткой речью.

Список литературы

1. **Акимова О. В.** Типология профессионального и непрофессионального дискурса (на материале дискурса «Мода / Fashion» в русском и английском языках) // *Язык и Мысль: традиции и новые парадигмы*. 2-е Ярославские лингвистические чтения. Казань: ТГПУ, 2009. С. 190-193.
2. **Бейлинсон Л. С.** Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. Волгоград: Перемена, 2009. 278 с.
3. **Борботько В. Г.** Общая теория дискурса. Принципы формирования и смыслопорождения: дисс. ... д. филол. н. Краснодар, 1998. 250 с.
4. **Голованова Е. И.** Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение*. 2013. Вып. 73. № 1 (292). С. 32-35.
5. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. **Чернявская В. Е.** Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 136 с.

TYPES OF THE GERMAN RAILWAY DISCOURSE

Moskvitin Evgenii Vladimirovich

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
eugen_7935244@mail.ru*

The article deals with the typology of professional railway discourse by the example of the German language. The factors of communication subject and communication regulations are proposed as the basis for singling out of the types. Separately by the examples the author shows some peculiarities of oral regulated communication of German railway employees, in particular, the violation of the language regulation conditioned by the psycho-emotional state of subjects which entails the specific selection of lexical units.

Key words and phrases: professional discourse; railway; sociolect (social dialect); regulation; communication.

УДК 811.512.157

Филологические науки

Данная статья является продолжением ранее начатых исследований по теме «Рыболовная лексика в якутском языке». В ней рассматриваются монгольские заимствования в лексике по рыболовству. Основными источниками выявления заимствований явились «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского и работа С. Калужинского «Jakutisa». На основе проведенного исследования автором обнаружены заимствованные слова, среди которых названия рыб, средств ловли, морских животных, рыбной пищи, средств передвижения по воде.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; тематическая группа «рыболовство»; лексика; заимствования; монголизмы.

Нестерова Анна Семеновна

*Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова
annest@yandex.ru*

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИКЕ РЫБОЛОВСТВА ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА®

Предлагаемая статья является продолжением ранее начатых исследований по теме «Рыболовная лексика в якутском языке» [7; 8], целью данной работы является выявление в якутском языке монгольских заимствований в рамках конкретной тематической группы.

Тюркско-монгольские языковые связи возникли в результате конвергенции, контактов и заимствований. До XIII века н.э. тюркские языки влияли на монгольские, с XIII века н.э. начался обратный процесс влияния монгольских языков на тюркские [13; 14; 18; 19; 21]. В истории якутского языка прослеживаются эти процессы.

Вопрос о монгольских заимствованиях в якутском языке давно привлекает внимание исследователей. О. Бетлингк изучал грамматический строй и лексику якутского языка и обнаружил в нём заимствованные монголизмы [20]. В. В. Радлов в своей работе «Якутский язык в его отношении к тюркским языкам» («Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen»), рассматривая связи якутского языка с тюркскими, монгольскими и другими языками, приходит к выводу о тюркизированном характере якутского языка [23]. Н. В. Емельянов находит в якутском языке бурятские параллели [6]. П. П. Барашков считает важным выявление бурятских слов в якутском языке [5]. Н. К. Антонов дает семантическую характеристику отдельных пластов монгольских заимствований якутского языка [1; 2; 3; 4]. В своей работе «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» В. И. Рассадин впервые в тюркологии и монголоведении комплексно проанализировал монгольские заимствования в тюркских языках Сибири, исследовал вопросы фонетического, морфологического и семантического освоения монгольских, бурятских и калмыцких слов в этих языках, среди которых якутский язык [12]. Огромный вклад в изучение монгольских элементов в якутском языке внес С. Калужинский [22]. Он собрал и описал свыше 2500 слов, заимствованных из монгольских языков. Исследователь приходит к выводу, что заимствования приходятся на период не ранее XII-XIII вв. и не позднее XV-XVI вв. [Ibidem, s. 154]. Известно, что якутский язык подвергся влиянию монгольских языков в Средние века после возвышения монголов в эпоху Чингисхана. С точки зрения С. Калужинского, основная масса монголизмов якутского языка в фонетическом плане не отличается от среднемонгольского языка (XIII-XIV вв.) [Ibidem, s. 35-188]. Отсюда становится ясным, что монголизмы якутского языка не имеют значительных расхождений с их иноязычными аналогами, и это говорит о том, что якутский язык уже сформировался со всеми своими особенностями до возвышения монголов в Средние века [10, с. 75]. До эпохи Чингисхана тюркские языки влияли на монгольские [18; 19]. Процесс влияния монгольских языков на якутский начался в XIII веке, до миграции якутов в Якутию в XIV веке, возможно в Сибири.

По материалам «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского [11] обнаружены следующие монгольские заимствования в наименованиях рыболовной лексики. Для удобства разделим их на группы: наименования рыб, наименования средств ловли, средства передвижения, наименования рыбной еды.

Наименования рыб:

як. *алыһар* 'окунь речной' [Там же, т. 1, с. 89], согласно мнению С. Калужинского, данное слово возникло вследствие монгольского языкового влияния [22, s. 166], ср.: мо. *алгана* 'окунь', которое содержит в себе тюркский компонент *ала* 'пестрый'. В якутском слове наблюдаются элементы *алы* и *сар*, которые соотносятся с монгольскими словами: *алаг* 'пестрый' и *шар* 'бык', ср.: ср.-м. *ала* 'пегий, пестрый'. На наш взгляд, материалы якутского языка позволяют реконструировать в монгольских языках слово 'окунь' в виде **алысар*, так как в якутском слове сохранилась форма *алыһар*, которая является калькой тюркского *алабуга* 'окунь' [15, с. 178], состоящего из слов *ала* и *буга*, ср.: др.-тюрк. *ала* 'пегий', *буга* 'бык-производитель';

як. *дьарҕаа* 'харюз (хайрюз, хариус), харитон, каменная рыба' [11, т. 1, с. 793] < мо.: м.-п. *žirya* 'нельма' [16, с. 640];

як. *дьорохой, чорохой, чорогой*, 'маленькая (молодая) щука', 'щука' [11, т. 1, с. 845, т. 3, с. 3651] < мо.: м.-п. *čuruqai* 'щука', бур. *сурхай* [22, s. 46];

як. *дьыраах* 'всякая мелкая рыба'; 'мелкая мундушка (мунду)' [11, т. 1, с. 885] < мо.: бур. *žarāxā*, калм. *džirāxā* 'мелкая рыба' [22, s. 177];

як. *күччэ, күүтчэ* 'пескарь', 'голец' [11, т. 2, с. 1350, 1351] < мо.: бур. *gurse* (*gürče*), *gursegi* 'пескарь', м.-п. *kürče* 'название морской рыбы' [22, s. 303];

як. *ньаҕаса, ньанаса* 'плохая, мелкая рыба' [11, т. 2, с. 1703], *дьаҕаһын* 'отскребки от мелких рыб' [Там же, т. 1, с. 770] < мо.: м.-п. *žiyasun* 'рыба' [22, s. 50].

К данной группе примыкает лексика, обозначающая морских животных. Так, в як. *хахай балык* 'морской лев' обнаруживается монголизм *хахай, хаххай* 'лев, царь зверей', 'орел', 'филин', 'верблюд', 'змея' < мо.: м.-п. *gaxai* 'свинья' [11, т. 3, с. 3414, 3415].

В заимствованных монголизмах часто развиваются новые значения, которые соотносятся с названиями рыб. Например:

як. *модьу* 'крепкий, сильный, могучий'; 'щука' [Там же, т. 2, с. 1579, 1580] < мо.: бур. *bažū*- id., *bažagar* 'крепкий, здоровый, ядреный' [22, s. 307]; в этом случае слово сохраняет свое исходное значение 'крепкий, сильный, могучий', в котором развилось новое значение 'щука', т.е. наблюдается сдвиг в семантике за счет расширения значения по признаку, при этом слово перешло из одной части речи в другую – прилагательное в существительное.

Следует отметить, что в обозначении рыб используются составные существительные, одним из компонентов которых является монголизм, примеры:

як. *быдьар балык* 'широколобка (рыба)' [11, т. 1, с. 604], в нём монголизмом является слово *быдьар* 'скверный, мерзкий' [Там же] < мо.: м.-п. *bižar* 'поганый, нечистый' [22, s. 46], в то время как *балык* является исконно тюркским словом якутского языка, ср. др.-тюрк. *balıq*;

як. *эбиэн чэркэй* ‘карась’ образовано от *эбиэн* ‘сердцеобразный наконечник стрелы’ [11, т. 1, с. 218] и *чэркэй*, которое является многовариантным словом монгольского происхождения: *чэркэй*, *чөркөй*, *чыркый*, *чуркуй*, *чыккымай*, ‘чирок, чиранка’ [Там же, т. 3, с. 3611] < мо.: м.-п. *čöriiki* ‘чирок’ [22, s. 120];

як. *кумах барча* ‘сухая и мелкая, как песок, рыба’ [11, т. 1, с. 1214], в данном случае мы наблюдаем словосочетание, состоящее из тюркского слова *кумах* ‘песок’ (< тюрк.) и монгольского *барча* ‘мелкая рыба’ (<мо.) [22, s. 244].

Наименования средств ловли:

як. *күөгү*, *күө* *Һү* ‘уда, удочка’; ‘крючок на уде’, ‘наживка, приманка’ [11, т. 2, с. 1310] < мо.: м.-п. *gögegi* id. [22, s. 81];

як. *көбө*, *көхө* ‘уда’, ‘крюк’, ‘багор’, ‘деревянный крюк, которым поддевают неводную жердь’, ‘небольшая тонкая палка с крючком, которым зацепляют неводное норило или заведь и держат его’ [11, т. 1, с. 1122, 1182] < мо.: м.-п. *göki* id. [22, s. 81].

Наименования, связанные с водным транспортом:

як. *оночо*, *оЗочо* ‘лодка, ладья’, ‘берестяная лодка, берестянка’, *байаЗал оночото* ‘морская лодка, байдара’ [11, т. 2, с. 1857] < мо.: м.-п. *оңица*, бур. *oṅgoso* ‘лодка’ [22, s. 86];

як. *салба* ‘весельная лопасть’ [11, т. 2, с. 2043] < мо.: м.-п. *selbi* ‘весло’ [Там же].

Рыбная пища:

як. *барча*, *бачча* ‘разная мелкая рыба, сперва сваренная, а потом прокопченная в течение 10 дней над трубой камина’, ‘порса’, ‘сваренная и затем высушенная в дыму мелкая озерная рыба’ [Там же, т. 1, с. 379, 415] < мо.: м.-п. *borča miqa* ‘мелко искрошенное вяленое мясо или рыба, истолченная вместе с костями’, бур. *borso* ‘вяленое мясо (изрезанное на мелкие кусочки)’ [22, s. 244];

як. *дыаЗасын* ‘отскрепки от мелких рыб’ [11, т. 1, с. 770] < мо.: п.-м. *žiyasun* ‘рыба’ [22, s. 50].

Фонетическое освоение монголизмов подробно изучено С. Калужинским [Ibidem, s. 39-98]. В рыболовной лексике обращает внимание широкий гласный первого слога на месте узкого в словах, начинающихся с аффрикаты, например:

як. *дыарЗаа* ‘харюз (хайрюз, хариус), харитон, каменная рыба’ [11, т. 1, с. 793] < мо.: м.-п. *žirya* ‘нельма’, бур. *жарга*, мо. *жарга* [16, с. 640]. В данном случае в якутском языке сохраняется аффриката, в то время как в монгольском и бурятском языках представлен щелевой звук. Данный факт свидетельствует о том, что переход монгольского узкого гласного в широкий в первом слоге происходил ранее образования щелевых звуков на месте аффрикат. В дальнейшем щелевые монгольские согласные стали сохраняться в якутском языке в виде щелевых. Например, як. *сузулаан* ‘собрание’ < мо.: бур. *suglāṅ* id., ср. м.-п. *čurylayaṅ* id. [22, s. 74]. Это свидетельствует не о переходе аффрикаты в якутский щелевой в монголизмах якутского языка, а о процессах адаптации поздних, средневековых заимствований из монгольских языков. Таким образом, здесь мы имеем дело не с монгольскими заимствованиями до XIII в. н.э., а довольно поздними заимствованиями (с XIII века).

Заемствованные монголизмы являются словообразовательной базой якутского языка. Часто в них развиваются новые значения, которые соотносятся с рыболовной лексикой. Например:

як. *сибиэ* ‘учуг’, ‘бережник, заезок для залучки рыбы в вершу’ [11, т. 2, с. 2198, 2199] < мо.: м.-п. *šibege*, бур. *šebē* ‘забор, изгородь, палисад’ [22, s. 57]; в данном случае в якутском языке произошло сужение значения;

як. *элиэ* ‘коршун’, ‘отвод в рыболовной загороди’ [11, т. 1, с. 247] < мо.: м.-п. *elije* ‘коршун’ от *eli* ‘schweben’ [22, s. 61];

як. *ситим* ‘долгая нить, шнур, веревка’; ‘подбор, подбора невода или сети, тетива, две продольные веревки, на коих невод посажен’ [11, т. 2, с. 2253] < мо.: м.-п. *šizim* ‘веревочка, шнурок, лента’ [22, s. 324]; здесь произошло расширение значения слова;

як. *өл* ‘часть карасых внутренностей’ [11, т. 2, с. 1926] < мо.: м.-п. *öl* ‘пища, жизненные припасы’ [Там же];

як. *хоргун*, *харгун*, *хоргум* ‘жир, всплывающий наверх при варке рыбы или мяса, жирная накипь’ [Там же, т. 3, с. 3355, 3501] < мо.: м.-п. *корЗун* ‘жир, топленое сало’ [Там же, с. 3501];

як. *сүүр* ‘сак, сачок, ледень’, ‘черпак или ложка вроде сита, для вынимания рыбы из котла’ [Там же, т. 2, с. 2402] < мо.: м.-п. *сигүр* ‘цедилка’ [Там же]; не исключается и чувашизм в якутском языке [10, с. 70].

Монголизмы обнаруживаются в процессах якутского словообразования. Например, як. *өксөлгөн туута* ‘большая морда с редкими промежутками (ставится на рыбу, идущую против течения)’ [11, т. 3, с. 2790, 2791] образовано от як. *туу* ‘морда, верша’ [Там же, с. 2790] и аффикса принадлежности 3 лица единственного числа *-та* и як. *өксөлгөн* [от *өксөй* + *лгөн*] ‘вид рыбной ловли мордою (вершею) – по преимуществу тугунчиков [ньоЗор, сыа балык] плывущих вверх по мелкой прибрежной воде реки – при помощи устроенного из *сибиэ* [бережника] загона’ [Там же, т. 2, с. 1925], образовавшегося от як. *өксөй* – ‘ехать или плыть на каком-либо судне против течения, вверх по реке’ < мо.: калм. *öksö* – ‘подниматься’ [22, s. 316] и аффикса – *лЗан*, образующего имени от глаголов;

як. *ардьан туу* – ‘редко-стенная верша для ловли карасей’ [11, т. 1, с. 149] образовано як. *ардьай* – ‘скалить зубы’ [Там же, с. 148] < мо.: м.-п. *aržai* – ‘оскалывать зубы’ и аффикса *-н*, образующего имени от глаголов, и як. *туу* ‘морда, верша’ [Там же, т. 3, с. 2790].

Семантические изменения среди лексических заимствований показывают, что эти заимствования настолько глубоко вошли в систему лексики якутского языка, настолько прочно там укрепились и освоились, что стали принимать участие в процессах развития семантики слов. Это свидетельствует о большой давности заимствований [12, с. 90].

Таким образом, среди монгольских заимствований в якутском языке обнаруживаются слова рыболовной лексики, что доказывает влияние носителей монгольских языков на развитие рыболовства у якутов. В отличие от заимствований из русского языка в данной тематической группе монголизмы немногочисленны, но их участие в словообразовании и развитии семантики доказывает, что процесс их заимствования начался давно, в Средневековье.

Список литературы

1. Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1971. 176 с.
2. Антонов Н. К. О некоторых якутских именных основах монгольского происхождения // Труды историко-филологического факультета (Якутский университет). 1966. Вып. 1. С. 207-214.
3. Антонов Н. К. Основные ландшафтные названия в якутском языке: Доклад на XIV научной сессии ЯФ СО АН СССР. Якутск, 1964. 16 с.
4. Антонов Н. К. Якутские термины по жилищам // Полярная звезда. 1969. № 3. С. 100-104.
5. Барашков П. П. О монголо-бурятских и якутских языковых связях // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ, 1958. Вып. 3. С. 176-206.
6. Емельянов Н. В. Происхождение якутских пословиц и поговорок // Труды ЯФ СО АН СССР. Серия обществ. наук. 1958. Вып. I (VIII). С. 90-117.
7. Нестерова А. С. О русских заимствованиях в якутской рыболовной лексике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30). Ч. 2. С. 140-143.
8. Нестерова А. С. Об эвенкийских заимствованиях в якутской рыболовной лексике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 1. С. 142-145.
9. Новгородов И. Н. Основные вопросы сравнительного изучения якутского языка (к междисциплинарному исследованию) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. Якутск, 2011. № 2 (3). С. 71-80.
10. Новгородов И. Н. Якутско-эвенкийские языковые контакты. Якутск: СМУК-Master, 2009. 248 с.
11. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. СПб.: Наука, 2008.
12. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 116 с.
13. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2007. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. 165 с.
14. Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2008. Ч. 2. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. 242 с.
15. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 882 с.
16. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2-х т. Л.: Наука, 1975. Т. I. 672 с.
17. Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 21-35.
18. Щербак А. М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (V-XIV вв.). СПб.: Наука, 1997. 291 с.
19. Щербак А. М. Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб.: Наука, 2005. 195 с.
20. Bohtlingk O. Über die Sprache der Jakuten. St.-Pb., 1851. 178 S.
21. Clauson G. Turkish and Mongolian studies. Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London, 1962. 261 p.
22. Kaluzyn'ski St. Iakutica. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Dialog, 1995. 405 s.
23. Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. 8 serie. Classe historico-philologique. V. 8. No 7. Reprinted in Leipzig, 1908. 86 S.

Список сокращений

Бур. – бурятский язык; др.-тюрк. – язык памятников древне-тюркской письменности; калм. – калмыцкий язык; мо. – монгольский язык; м.-п. – монгольский письменный язык; ср. – сравни; ср.-м. – средне-монгольский язык; як. – якутский язык.

MONGOLIAN LOANWORDS IN THE FISHING VOCABULARY OF THE YAKUT LANGUAGE

Nesterova Anna Semenovna

*North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
annest@yandex.ru*

The article is a continuation of the earlier research on the topic “Fishing vocabulary in the Yakut language”. The Mongolian loanwords in the fishing vocabulary are considered. The main sources of the loanwords identification are “Dictionary of the Yakut language” by E. K. Pekarskii and the work “Iakutica” by S. Kaluzhinskii. On the basis of the conducted research the author reveals the loanwords including the names of fish, fishing tackle, marine animals, fish food, and water means of transportation.

Key words and phrases: the Yakut language; thematic group “fishing”; vocabulary; loanwords; mongolisms (words of the Mongolian origin).